

СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. ПАРЕМИОЛОГИЯ SEMiotics. SEMANTICS. PAREMIOLOGY

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138

EDN: CNHRIQ

УДК 81'367'42

Научная статья / Research article

Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва,
Российская Федерация

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация

 vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные эмблемы — узнаваемые идентифицирующие знаки участников общения. Установлено место этих знаков в общей системе семиотического истолкования реальности, это индексальные единицы, характеризующие отношение знака к интерпретатору и интерпретатора к знаку (вектор прагматики знака, по Ч. Моррису). Эмблемы в отличие от аллегорий и символов нужно знать, а не разгадывать. Совокупность эмблем представляет собой внешнюю форму культуры. Дискурсивные эмблемы органически присущи любому типу коммуникации и могут рассматриваться как показатели специфики дискурса. Их лингвокультурный смысл состоит в индикации принадлежности коммуникантов к единому сообществу. В персональном обиходном дискурсе эмблемы сводятся к демонстрации сокращенной дистанции общения, в институциональном дискурсе — к актуализации принадлежности его участников к определенной социально-ролевой группе, в художественном дискурсе — к акцентированию множественного и ценностно маркированного прочтения смыслов, к расширенному модусу интерпретации.

Ключевые слова: эмблема, знак, семиотика, дискурс, прагматика

История статьи:

Дата поступления: 15.05.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Карасик В.И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>

© Карасик В.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Discourse Emblems as the Object of Semiotic Analysis

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, *Moscow, Russian Federation*

Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*

 vkarasik@yandex.ru

Abstract. The study deals with discourse emblems treated as recognizable identifying signs of communication participants. They occupy a certain place in a general system of semiotic interpretation of reality — they are indices characterizing the pragmatic vector of a sign, according to Ch. Morris. The difference between emblems and allegories or symbols consists in their main quality — the former should be immediately recognized by the people who belong to a certain culture whereas the latter may be deciphered. Emblems as a system constitute an outer form of culture. Discourse emblems are inherent in any type of communication and may be regarded as discourse type indices. Their linguistic and cultural essence is to show communication partners as belonging to the joint community. Emblems in a personal habitual discourse demonstrate a restricted communicative distance, in an institutional discourse they indicate the group status of communicative partners, and in an artistic discourse they show a multiplex extensible variety of meanings contained in the text or any art object having an aesthetic value.

Keywords: emblem, sign, Semiotics, discourse, Pragmatics

Article history:

Received: 15.05.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Karasik, V.I. (2023). Discourse. Emblems as the Object of Semiotic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>

Введение

Любое общение насыщено знаками, понимание которых является непременным условием использования языка. Коммуникативный подход к языку предполагает выдвижение на первый план цель общения, которая состоит в воздействии на адресата, его информировании и самовыражении участников интеракции. В основу данной работы положено предположение о том, что прагматические характеристики знаков могут быть установлены на основании модусов интерпретации, которые определяются обстоятельствами общения, отношениями между коммуникантами и нормами культуры. Рассматриваются дискурсивные эмблемы — узнаваемые идентифицирующие знаки участников общения.

Современная семиотическая теория представляет собой множество концепций, в рамках которых выделяются работы, посвященные сущности и типам знаков, их содержательным разновидностям и характеристикам их функционирования в культуре и общении. В исследованиях сущности знака

развивается известная теория Ф. де Соссюра, согласно которому основными свойствами знака являются его двусторонность (единство понятия и образа как означаемого и означающего), произвольность (немотивированность), оппозиционность, безразличие к способу реализации, ограниченное число знаков, линейность, и диалектическое сочетание неизменчивости и изменчивости [1. С. 99–111]. В наши дни тезис о произвольности знака существенно уточнен: немотивированными признаются только определенные разновидности знаков. Отсюда вытекает идея иерархии семиотических объектов — предзнаки, простые и сложные знаки (знаки знаков). Семиотическая теория является одним из оснований общей лингвистики и вместе с тем получает развитие в психологии, социологии, культурологии и философии.

В классической семиотике выделяются три содержательных аспекта знака — его отношение к реальности (семантика), к интерпретатору (прагматика) и другим знакам (синтактика) [2. С. 50]. Такое понимание строится на выделении трех видов представлений: «подобия (иконы), их отношения к своим объектам являются простой общностью какого-нибудь качества; индексы, или знаки, их отношения к своим объектам состоят из соответствий факту; символы, или общие знаки, их отношение к своим объектам имеет характер предписаний» [3. С. 104–105]. В научной литературе высказано важное уточнение: именно интерпретатор определяет понимание знака как индекса, либо иконы, либо символа [4]. Отсюда вытекает тезис о прагматике как функциональной основе знака. Вместе с тем многомерность мира дает возможность построить и такие модели знака, в которых на первый план выступают описания формальных характеристик знака и его семантических характеристик, а прагматика в таком случае трактуется как особенность употребления: пространственность, хронологический статус, степень нормативности, область применения, ареал использования [5. С. 233].

Модели знаков и знаковых систем

Социальные функции знаковых систем в понимании Ю.М. Лотмана сводятся к примарным и вторичным характеристиками общения. Первые подразумевают сообщение некоторого факта, вторые — сообщение мнения другого об известном факте. Эта корреляция соотносима с классическим противопоставлением диктума и модуса. В первом случае участники общения заинтересованы в аутентичности информации, во втором случае — происходит обогащение субъекта текстами, несущими чужую точку зрения [6. С. 19]. Вторичные характеристики общения составляют суть знаковой модели поэтического дискурса. Перспективным следует признать текстоцентрическое понимание семиотики, вторичную семиотику, сфокусированную не на знаке, а на правилах интерпретации различных дискурсивных практик [7. С. 262]. Ю.М. Лотман утверждает, что «семиотический опыт должен парадоксально

предшествовать любому семиотическому акту. <...> ... Семиотическое пространство (семиосфера) не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном смысле, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [8. С. 250]. Ученый отмечает, что «всякое построение социальной модели подразумевает разделение окружающей человека действительности на мир фактов и мир знаков с последующим установлением между ними тех или иных отношений (семиотических, ценностных, экзистенциальных и т.д.)» [8. С. 401]. Знаковый объект сочетает в себе незнаковую и знаковую функции (дом как жилище и как знак в семиотике архитектуры) [9. С. 15].

В культурологии выделены познавательные возможности, заложенные в знаке: 1) он возникает и первое время функционирует внутри ограниченной социальной группы, 2) он связан с определенной исторической эпохой, временем и читается через ассоциации с ними, 3) общественный и культурный опыт, на основе которого переживается знак, постоянно меняется, 4) он характеризуется единством объективной картины мира и личного ее переживания [10. С. 37–42]. Эти характеристики знака позволяют считать, что основной функционирования языка является его двуединая функция — коммуникативная и моделирующая [11. С. 23]. Эвристически ценной представляется идея Г.Г. Почепцова о суперзнаках как объединении ряда однотипных знаков, такова, например, узнаваемая деталь одежды или прически [12. С. 19].

Особый аспект знаковости выделен В.В. Дементьевым: жанры являются средством типологического осмысления лингвокультур [13. С. 179], наличие и степень развития того или иного жанра в определенной лингвокультуре является показателем ее специфики.

Заслуживает внимания исследование знаковых способов информационной связи, в котором знаки рассматриваются как способы опосредованной передачи информации, при этом противопоставляются три категории знаков: дейктические (индексалы), идентифицирующие (имена собственные, ярлыки) и характеризующие (общие имена, дескрипции) [14. С. 70]. Автор отмечает, что животные осуществляют сигнально-индексальную коммуникацию, в то время как люди — знаковую. Под сигналом понимается внешнее воздействие на систему-приемник, в ответ на которое срабатывает готовая программа реакции. Отметим, что подобные реакции, как вербальные, так и невербальные, свойственны всем людям в определенных ситуациях, и есть индивиды, для которых такие реакции являются доминирующими.

Использование знаков в общении может быть намеренным и ненамеренным, пример такого ненамеренного коммуникативного знака приводит Н.Б. Мечковская: собеседник, отвечая на случайный вопрос, вдруг краснеет, и мы понимаем, что эта информация задела его за живое. Для таких ситуаций автор предлагает термин «парасемиотика» (по аналогии с паралингвистикой) [15. С. 8]. В иной терминологии соотношение между ненамеренными

и намеренными знаками обозначается как корреляция между симптомами и сигналами. Э. Лич противопоставляет сигналы и индексы: сигнал — это автоматическая естественная связь между знаком и объектом, индекс — указательная произвольная связь, сигналы метонимичны, индексы метафоричны [16. С. 19].

Обсуждая направления семиотики, Ю.С. Степанов выделяет в рамках этой области знания био-, этно-, лингво-, абстрактную и общую семиотику [17]. Важными разновидностями семиотического моделирования реальности ученый считает противопоставление явных и неявных знаков, с одной стороны, и конкретных и абстрактных знаков, с другой стороны (примерами первого соотношения являются взмах рукой в знак прощания и соблюдение определенной дистанции при обращении к прохожему, примерами второго соотношения — различие между звуком речи и фонемой).

Оригинальная иерархическая модель знаковых систем предложена А.Б. Соломоником, который противопоставляет по признаку степени абстрактности естественные, образные, языковые, записываемые и формализованные знаковые системы первого и второго порядков, базисными единицами которых являются соответственно естественный знак, образ, слово, иероглиф, символ с постоянным и переменным значением [18. С. 76]. В этой схеме объединяются знаковые единицы разной природы, при этом в основе такой модели лежит предположение о том, что математическая формула является высшим семиотическим объектом. Каждая из знаковых систем имеет свою функцию: за естественными знаками закреплена функция ориентировки в обыденной жизни, за образными знаками — характеристика изображаемого, языковые знаки объясняют действительность, системы записи фиксируют опыт людей для передачи следующим поколениям, формализованные знаки используются для открытий явлений, недоступных наблюдениям [18. С. 135–137]. Ценность приведенной модели состоит в последовательном раскрытии семиотических оснований освоения познаваемой реальности, и поэтому знаки науки занимают в этой модели самую высокую ступень. Но мир многомерен, и если мы согласимся с тем, что видовым отличием человека, по словам И.А. Бродского, является поэзия, иерархическая модель знаков примет иной вид. Принципиально другой будет и аксиологическая знаковая система, сориентированная на осмысление ценностей, выраженных в символах.

Коммуникативный и лингвокультурный подходы к языку предполагают органичную встроенность языка в культуру, коммуникативную ситуацию и сознание коммуникантов. Отсюда вытекает приоритетность прагматического истолкования языковых и любых других знаков, хотя понятно, что научное описание знаков неизбежно сводится к челночной процедуре объяснения — от смысла к значению и от значения к смыслу и установлению типов понимания и непонимания знаков [19. С. 29–30].

В семиотических исследованиях подчеркивается значимость социально-культурного понимания знаков, вне контекста знак не может быть понят [20; 21]. В этом плане эмоционально-оценочная интерпретация знаков, обусловленная ценностями культуры и особенностями конкретного периода эпохи, является важнейшим и определяющим семиотическим принципом общения. Обратим внимание на знаковый момент в поведении тех, кто сбрасывает памятники известным политикам или коммерсантам [22].

Заслуживают внимания предложенные в работах лингвистов классификации символов, в частности противопоставление символов-понятий, символов-ситуаций и символических сюжетов [23].

Лингвосемиотический подход к описанию реальности представляет собой развитие интерпретативного, т.е. прагматического, осмысления знака. В этом плане показательны описания лингвосемиотики власти [24], автомобильного путешествия [25], театральности [26], эмблематической лексики [27; 28], политического дискурса [29; 30], коммуникативных ошибок [31], селфи как культурного феномена [32].

Типы эмблем в дискурсе

Одним из возможных направлений лингвосемиотического моделирования реальности является выделение эмблем, аллегорий и символов как интерпретативных знаковых феноменов [33]. Эмблему предлагается трактовать как узнаваемый интерпретатором знак принадлежности объекта к какому-либо культурно значимому классу (униформа, акцент в речи, нарушения этикета и т.д.), аллегория — как требующий расшифровки однозначно интерпретируемый знак (стрекоза и муравей в басне), символ — как ценностно маркированный образ, допускающий множественное истолкование (крест, звезда, свастика). Один и тот же объект может получить эмблематическое, аллегорическое или символическое осмысление либо вообще не будет истолкован как знак. Эта проблематика неоднократно привлекала к себе внимание исследователей [8; 34–36]. Отметим, что в культурологии эмблема часто понимается в узком смысле как изображение, обычно соединенное с кратким текстом. Соответственно, в таком случае выделяются изображения с подписью, которая вербально дублирует иконический образ (изображение слона с подписью «слон»), либо содержит ключ к расшифровке истолкования (изображение лимона с подписью «Ложный друг», внешне плод красив, но на вкус горек). Иногда подпись противоречит содержанию изображения, по случайной ошибке либо намеренно (известен пример, когда в одном словаре под изображением курицы была подпись «Петух»). В наши дни такое расхождение смыслов активно используется в шутовском жанре «демотиватор» — изображении, подпись под которым противоречит содержанию образа. Вместе

с тем представляется допустимым и развиваемое в данной работе широкое понимание эмблемы как знака, имеющего любую форму выражения и допускающего единственное истолкование носителями определенной культуры. Заметим, что в весьма информативном «Словаре по семиотике культуры» [37] термин «эмблема» отсутствует.

Классификация эмблем может быть построена на разных основаниях. С позиций семантики эти знаки соответствуют возможным терминальным пунктам идеографических словарей, при этом приходится констатировать, что подобная рубрикация в тезаурусах практически бесконечна, поскольку бесконечен и многовариантен мир. С позиций прагматики актуальным является ситуативно-личностное прочтение эмблемы, и, соответственно, можно выделить типы модуса в общении, важнейшими из которых являются оценки. С позиций синтактики можно выделить типы ассоциативных связей эмблем с другими эмблемами. В дополнение к прагматическому объяснению эмблем можно предложить трехмерную модель их классификации. Во-первых, противопоставляются интенциональные и перцептивные эмблемы (нечто демонстрируется либо считывается как знак). Во-вторых, выделяются открытые и закрытые эмблемы (первые опознаются, а вторые не опознаются как знаки). В-третьих, существуют определяющие и уточняющие эмблемы (первые позволяют отнести объект к какому-либо классу, вторые дают возможность более точно идентифицировать объект). Следует подчеркнуть, что эмблемы считываются моментально, они функционируют на уровне узнавания, их дальнейшее осмысление может перевести их в символы.

Эмблематика жестов, одежды, пищи, запахов детально описана в научной литературе. Представляют интерес некоторые запреты, зафиксированные в приметах. Например, многие знают, что разбить зеркало — к несчастью, рассыпать соль — к ссоре. Но существуют и приметы, о которых знают только определенные группы людей. Так, раньше некоторые наши студенты клали пятикопеечную монету в обувь, чтобы получить пятерку. Это индексальный знаковый перенос по цифре. Вьетнамские студенты-русисты сообщили мне, что перед экзаменом нельзя есть яйцо. Встретив мой удивленный взгляд, они сказали: «*Можно получить ноль!*». В этом случае наблюдается индексальный перенос по внешнему признаку. В российской академической системе такой оценки нет. В нашей стране практически всем известно, что в доме нельзя свистеть — денег не будет. Кстати, многие приметы имеют подобное обоснование, например, нельзя отдавать денежный долг вечером. Близкий смысл имеет и запрет на вынос мусора после захода солнца — счастья не будет. В монгольской традиционной культуре также запрещается свистеть в доме, но по другой причине — змеи заползут. В культуре некоторых народов банту в Африке девушкам нельзя подметать пол в хижине

ночью — замуж не выйдешь. Эмблемы чужих культур часто являются для представителей иных сообществ закрытыми. Необходимо отметить, что многие молодые люди иронически относятся к этим традиционным предписаниям поведения. Остановимся на эмблемах в разных типах дискурса.

Обстоятельства общения определяют тип дискурса — персональный либо институциональный. Участники персонального (лично обусловленного) дискурса обмениваются коммуникативными знаками, объединяющими их опыт, демонстрирующими высокую степень эмпатии, искренности и готовности гибко реагировать на настроение партнера:

- Привет! Как дела? Какие планы на завтра? Может быть, съездим на Вернисаж?
- Привет! Хорошая идея. Встретимся как в прошлый раз на прежнем месте, хорошо?
- А если дождь, то не поедем.
- Конечно.

В этом фрагменте телефонного разговора коммуниканты используют фатические и указательные знаки, при этом фатика соответствует нормам разговорного общения между равными его участниками, а указательные знаки понятны говорящему и адресату. Это разговор интеллигентных людей разного пола. Знаковым моментом в этом диалоге является соблюдение норм стандартного регистра общения. По мнению М.А. Кронгауза, в современном закрытом русском мужском общении между хорошо знакомыми людьми (в армии, в тюрьме) отсутствие вульгаризмов воспринимается как знак недоверия [38]. Обратим внимание на формально-этикетный вопрос «*Как дела?*». Он не требует ответа, если адресат понимает, что это вопрос вежливости. Именно поэтому в американском английском такой же вопрос “*How are you?*” редуцировался до односложного слова “*Hi!*”.

Особую эмблематическую функцию в обиходной речи выполняют слова и словосочетания, которые Н.В. Богданова-Бегларян называет «прагматемы» [39]. В частности, выражение «*типа того / типа того что*» «семантически представляет собой «бессодержательный заполнитель пауз, «словесный мусор», который встречается в несколько затрудненной неразвитой речи, чаще у представителей криминального мира» [40. С. 608]. Динамика развития этого коммуникативного знака привела его к использованию в качестве шуточной имитации речи таких людей: «*Ты что, типа притомился?*». Жаргонизмы, как известно, выполняют парольную функцию, отделяя своих от чужих. Принято считать, что такие языковые единицы могут быть непонятны представителям другого сообщества, но это не совсем верно. Прежде всего такие выражения эмблематически закрепляют право говорящих считаться своими.

Эмблематика институционального дискурса обусловлена его функциональными характеристиками. Л.С. Бейлинсон отмечает, что основными

функциями этого дискурса являются следующие: «1) перформативная — выполнение действий, определяющих суть того или иного института (борьба за власть, установление истины, соблюдение закона и т.д.); 2) нормативная — установление и сохранении норм и правил поведения между институтом и обществом, между агентами и клиентами и между агентами внутри института; 3) презентационная — создание имиджа института и его агентов; 4) парольная — установление границы между агентами и клиентами» [41. С. 10–11]. В институциональном дискурсе его участники демонстрируют свой статус, поддерживают определенную коммуникативную дистанцию и используют знаки, характерные для соответствующей ситуации общения:

- Здравствуйте, Ольга Вячеславовна!
- Здравствуйте, Александр Михайлович! Что с Вами в этот раз?
- Да вот, похоже, опять подхватил какой-то вирус.
- Давайте, я Вас послушаю.

Пациент приходит на прием к врачу, и хотя они знакомы, общение носит тематически определенный институциональный характер. Дистанцированность подчеркивается принятыми в русской лингвокультуре обращениями в общении между взрослыми людьми, не являющимися близкими друзьями, разговор включает коммуникативные знаки демонстрации своей дискурсивной роли (врач — пациент), общение разворачивается по жесткому сценарию визита к врачу. Эмблематически маркированным является использование профессионализмов и терминов. Стоматолог будет удивлен, если пациент скажет, что его беспокоит кариес и вероятный пульпит в правой верхней шестёрке. Так говорить имеет право только врач.

Эмблематические знаки научного дискурса определяют специфику научного функционального стиля, это определения, термины, логические связи в речи, аргументы, ссылки и т.д. Например:

«Представляется целесообразным называть заимствованием процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка — фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики»¹.

Нарушения эмблематики сразу же свидетельствуют о том, что говорящий относится к иной лингвокультуре. Так, например, завершив свое выступление на защите диссертации, аспирантка из Китая сказала: «*Вот и всё*». Все присутствующие улыбнулись.

Эмблематика политического дискурса состоит в знаках агонального противостояния, определяющими борьбу за власть. Этот дискурс бывает открытым и закрытым и в публичном формате реализуется в средствах массовой

информации. Приведу пример дебатов кандидатов в Московскую городскую думу 9 сентября 2014 г. на телеканале «Москва 24»:

Антон Молев: Я принял решение выдвигаться в качестве депутата в Московскую городскую Думу, потому что понимаю, как и чем конкретно можно помочь не только системе образования, но и городу в целом: на уровне законов, на уровне конкретных решений, на уровне представления интересов всех жителей нашего района.

Денис Парфенов: Дорогие друзья, сегодня Компартия защищает интересы самого широкого круга трудящихся, всех тех, кто создает богатства и приумножает их, всех тех, кто своим трудом зарабатывает себе на жизнь, передает знания, создает новые ценности, с помощью которых мы развиваем нашу страну и наш город.

Михаил Тимонов: В общественной деятельности недавно. Был наблюдателем, координатором наблюдателей района Богородское, затем координатором наблюдателей ВАО. Принимал участие в формировании Единой московской сети наблюдателей, благодаря которой теперь выборы стали достаточно честными, и прежние 30 процентов фальсификации снизились примерно сейчас до 2–3 процентов.

Николай Лазарев: Значит, ЛДПР, я всегда могу сказать, что в 1993 году закончились последние честные выборы, когда победила ЛДПР, когда были демократические выборы и когда ЛДПР прошла в первый думский созыв. Пять созывов Мосгордумы — это грязная игра, это кандидаты на выбывание, они ничего не сделали, и они ничего не обещают избирателям².

В приведенном примере видны следующие эмблематические знаки политического дискурса: построение собственного положительного имиджа (*я понимаю, чем и как конкретно можно помочь* — подразумевается: *я достаточно компетентен; Компартия защищает интересы самого широкого круга трудящихся* — подразумевается: *мы выражаем интересы большинства*) и отрицательного имиджа конкурентов (*прежние 30 процентов фальсификации снизились* — подразумевается: *другие партии обманывают народ; Пять созывов Мосгордумы — это грязная игра*, подразумевается: *другие партии ведут себя нечестно*). Каждый из кандидатов в депутаты выбирает определенную коммуникативную стратегию убеждения избирателей: один показывает свою готовность к практической деятельности, другой риторически акцентирует ценности своей партии, третий демонстрирует свой положительный опыт, четвертый выбирает полемику как доминирующий способ самопрезентации.

Эмблематика электронного сетевого дискурса отражает его функциональную сущность: это компьютерно опосредованное общение в свободное время между людьми, имеющими общие интересы. Важнейшими характеристиками такой коммуникации являются знаки самопрезентации, оценочной диалогичности и визуальной иллюстративности. Это принципиально не институциональный, а персональный дискурс.

² Режим доступа: <https://www.m24.ru/articles/vybory/09092014/55345> (дата обращения: 20.12.2022).

Участник сети «ВКонтакте», публикующий свои посты под ником «Удивительная планета», приводит фотографию огромной вертикальной каменной скалы, на вершине которой выстроено здание, к нему ведет лестница, насчитывающая более 30 пролетов.

Рис. 1. Отдельно стоящая скала между городками Гуатапе и Эль-Пеньол

Источник: Википедия. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D1%8C-%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D0%BD-%D0%B4%D0%B5-%D0%93%D1%83%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%B5> (дата обращения: 07.03.2023).

Fig. 1. Detached rock between the towns of Guatape and El Penol

Source: Wikipedia, compiled by the authors. Retrieved March 7, 2023, from <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D1%8C-%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D0%BD-%D0%B4%D0%B5-%D0%93%D1%83%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%B5>

Заголовок: «*Идеальное место для самоизоляции найдено! Это в Колумбии!*». Пользователи сети не оставили сообщение без внимания:

В.П.: Страшный сон доставщика еды 🤢

Т.Ш.: От Всемирного потопа наверное спастись можно будет! Такой камень волна не вывернет наверное?

Д.Ш.: Татьяна, такой точно не вывернет))

М.С.: Я кажется машину не закрыл. — Так спустись и проверь.

О.Х.: За хлебом пойдешь, мусор не забудь 🤢

О.К.: Если забыл соль купить?

Н.Л.: Сдохнешь, пока самоизолируешься

Н.Ц.: Я туда если один раз поднимусь, то действительно изолируюсь на долго ахах)

Только доставка еды офигевать будет 😂😂😂

П.Ч.: Сходи на двор, дровишек принеси ...

Е.О.: А если приспичит ай ай...

Инициатор общения демонстрирует себя как человека, способного с улыбкой оценивать наш удивительный мир. Стремление найти спокойное место в нашем бурном и непредсказуемом мире вполне понятно. Автор иронически показывает свое отношение к этой жизненной позиции, уточняя, что такие места на Земле есть. С некоторыми оговорками этот диалог можно назвать примером постироники, распространенного современного

иронического комментария, включающего серьезное основание и карнавальное переворачивание смыслов. Комментаторы реагируют на исходное сообщение (его ключевой компонент — фотография), комически подчеркивают трудности подъема на эту скалу (часто фигурирует персонаж «доставщик еды»), приводят аллюзии с библейским сказанием о всемирном потопе, а также с житейскими обычными ситуациями. Такие дискурсивные эмблемы выражены разговорным языком на сокращенной коммуникативной дистанции. Используются смайлики и эмодзи, знаки эмоциональной оценки.

Эмблематика художественного дискурса весьма разнообразна. Ключевым моментом для понимания знаков этого типа общения является право интерпретатора расширительно толковать содержание текста или любого арт-объекта, опираясь на определенные техники интерпретации [42]. Языковые знаки в поэтическом тексте приобретают дополнительные смыслы. Таково стихотворение А.А. Тарковского «Слово»:

Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Странным светится огнем,
Бьется жилка, вьется живчик,
А тебе и дела нет,
Что в сорочке твой счастливчик
Появляется на свет.
Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт,
И когда пути другого
У тебя на свете нет,
Не описывай заране
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!
Слово только оболочка,
Пленка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

Этот текст, написанный классическим пушкинским четырехстопным хореем, допускает несколько направлений истолкования. Первое сводится к пониманию особой значимости поэтического слова, которое подобно живому существу. Фразеологизм «родиться в сорочке» подразумевает идею чудесного спасения от беды. Слово рождается не случайно,

хотя на первый взгляд представляет собой только оболочку. Загадочный образ «розовая точка» допускает множество прочтений. Возможно, это образ души, пульсация новой жизни, отсюда и описание «*бьется жилка, вьется живчик*». Возможно, это мерцание посланца из других миров. Второе направление в толковании этого текста состоит в выражении идеи пророческой судьбы поэтического слова, у него есть «*власть от века*», поэтическое слово становится реальностью, оно определяет расклад судеб («*жребиев людских*»). Такое истолкование силы слова неоднократно было заявлено в русской поэзии. Еще один вектор интерпретации эмблематики образа поэтического слова дан в финальном двустишии «*На тебя любая строчка точит нож в стихах твоих*». Это тема жертвенности, платы за поэтический дар. Интертекстуальная связь с известным стихотворением Н.С. Гумилева «Волшебная скрипка» очевидна. Эмблематический образ оболочки и пленки соотносится с человеческим телом. «Звук пустой» вызывает ассоциацию с бранным прахом. Заметим, что рождение поэтического текста суверенно, поэт констатирует, что является в определенном смысле только свидетелем слова, которое ему открылось. Предложенные векторы толкования этого стихотворения, разумеется, субъективны и могут быть уточнены и дополнены. Но такая субъективная эмблематика и составляет специфику восприятия поэтического текста, переход в область третьей сигнальной системы, в которой слова «*понятны лишь сперва, потом значенья их туманны*» (Д. Самойлов).

Заключение

Существующие модели семиотического истолкования реальности могут быть дополнены выделением эмблем как особых индексальных знаков, характеризующих отношение знака к интерпретатору и интерпретатора к знаку (вектор прагматики знака, по Ч. Моррису). В отличие от аллегорий и символов эмблемы нужно знать, а не разгадывать. Совокупность эмблем представляет собой внешнюю форму культуры. Дискурсивные эмблемы — узнаваемые идентифицирующие знаки участников общения — органически присущи любому типу коммуникации и могут рассматриваться как показатели специфики дискурса. Их лингвокультурный смысл состоит в индикации принадлежности коммуникантов к единому сообществу. В персональном обиходном дискурсе эмблемы сводятся к демонстрации сокращенной дистанции общения, в институциональном дискурсе — к актуализации принадлежности его участников к определенной социально-ролевой группе, в художественном дискурсе — к акцентированию множественного и ценностно маркированного прочтения смыслов, к расширенному модусу интерпретации.

Библиографический список

1. *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
2. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2001. С. 45–97.
3. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
4. *Шилина М.Г., Зарифиан М.* Переосмысливая семиотику: новая категоризация знака? // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313>
5. *Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.* Основы семиотики. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
6. *Лотман Ю.М.* Динамическая модель семиотической системы // Предварительные публикации института русского языка АН СССР. Вып. 60. М., 1974.
7. *Золян С.Т.* Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. Вып. 5. Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении. Ред. и сост. М.В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 250–264.
8. *Лотман Ю.М.* Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т. 2. Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 416–423.
9. *Бразговская Е.Е.* Языки и коды. Введение в семиотику культуры. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008.
10. *Кнабе Г.С.* Семиотика культуры. М.: Изд-во РГГУ, 2005.
11. *Савицкий В.М.* О соотношении основных функций языка // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / под ред. Н.А. Боженковой, М.Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 17–23.
12. *Почепцов Г.Г.* Семиотика. М.: Рефл-бук, 2002.
13. *Дементьев В.В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3(27). С. 172–194.
14. *Чертков Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993.
15. *Мечковская Н.Б.* Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007.
16. *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001.
17. *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971.
18. *Соломоник А.Б.* Очерк общей семиотики. Минск: МЕТ, 2009.
19. *Леонтович О.А.* Слово и образ в поисках друг друга: монография. Волгоград: Принтерра-Дизайн, 2022.
20. *Hodge R., Kress G.* Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988.
21. *Kress G.* Sociolinguistics and Social Semiotics // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics. Ed. by P. Copley. London and New York: Routledge, 2001. P. 66–82.
22. *Corrain L.* The iconoclasm of the everyday // Paolo Fabri. Unfolding Semiotics. Pour la semiotique a venir. Semiotics Monographs. Ed. by I. Pezzini. Thessaloniki: Aristotle University, 2023. P. 49–68.
23. *Якушевич И.В.* Лингвокогнитивная типология символов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 5–13.
24. *Астафурова Т.Н., Олянич А.В.* Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография. Волгоград: Нива, 2008.
25. *Некрасова Т.Н., Олянич А.В.* Лингвосемиотика автомобильного путешествия: монография. Волгоград: ВГАУ, 2013.
26. *Олянич А.В., Распаев А.А.* Лингвосемиотика театральности в англоязычном политическом общении: монография. Волгоград: Изд-во ВГАУ, 2015.
27. *Крысин Л.П.* Можно ли по речи узнать интеллигента? // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 157–164.

28. *Осьмак Н.А.* Чувак и чувиха в современной повседневной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 1(15). С. 45–55.
29. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
30. *Чумакова Е.В.* Прецедентные ситуации как политические эмблемы // Политическая лингвистика. 2013. № 3(45). С. 144–148.
31. *Епихина Е.М.* Эмблематическая интерпретация коммуникативных ошибок // Фундаментальные исследования: научный журнал. 2014. № 1. С. 730–733.
32. *Paschalidis G.* Introduction: the Semiotics of Selfies // *Punctum*. 2018. № 4(2). P. 5–9.
33. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
34. *Григорьева Е.Г.* Эмблема: принцип и явление (теоретический и исторический аспекты) // Лотмановский сборник. Т. 2. Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 424–448.
35. *Воркачев С.Г.* В чаще символов: образ в языке и культуре: монография. М.: Флинта, 2023.
36. *Пчелов Е.В.* Медведь в России: эмблемы и гербы // Культура в фокусе знака: сб. науч. тр. Ред. В.Ю. Лебедев, А.Г. Степанов. Тверь: СФК-офис, 2010. С. 217–230.
37. *Махлина С.Т.* Словарь по семиотике культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2009.
38. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2017.
39. *Богданова-Бегларян Н.В.* Путь прагматикализации, или рождение прагматемы (что пропадает и что рождается в «бермудском треугольнике» повседневной речи) // *Język i metoda*. 2019. № 6. С. 125–136.
40. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
41. *Бейлинсон Л.С.* Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград: Перемена, 2009.
42. *Москвин В.П.* Поэтика неясности. Комментарии и расшифровка тёмных мест в стихотворных текстах О. Мандельштама: монография. М.: ФЛИНТА, 2021.

References

1. Saussure, F. de. (1977). *Works in Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Morris, Ch.W. (2001). Foundations of sign theory. In: *Semiotics: an anthology*, Yu.S. Stepanov (Ed.). Moscow: Academic Project. pp. 45–97. (In Russ.).
3. Pierce, Ch.S. (2000). *Selected philosophical works*. Moscow: Logos. (In Russ.).
4. Shilina, M.G. & Zarifian, M. (2023). Rethinking Semiotics: a new categorization of sign? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313> (In Russ.).
5. Grinev-Grinevich, S.V. & Sorokina, E.A. (2012). *Foundations of Semiotics*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
6. Lotman, Yu.M. (1974). A dynamic model of semiotic system. *Preliminary publications of the Russian Language Institute, Russian Academy of Science*, 60. Moscow. (In Russ.).
7. Zolyan, S.T. (2015). Between the world and language: to the foundation of Semiotics of text. In: *Method. Moscow yearbook of social sciences: a collection of articles*. Iss. 5. Methods of study of interdependences in Social science, M.V. Ilyin (Ed.). Moscow: INION Russian Academy of Science. pp. 250–264. (In Russ.).
8. Lotman, Yu.M. (1997). Between emblem and symbol. In: *Lotman collection of articles*. Vol. 2. E.V. Permyakov (Ed.). Moscow: Russian Humanities University publishers. pp. 416–423. (In Russ.).
9. Brazgovskaya, E.E. (2008). *Languages and codes. Introduction into semiotics of culture*. Perm: Perm university publ. (In Russ.).
10. Knabe, G.S. (2005). *Semiotics of culture. An academic transcript*. Moscow: Russian Humanities University publ. (In Russ.).

11. Savitsky, V.M. (2023). On the correlation of the main functions of language. In: *Language: life of meanings vs meaning of life*, N.A. Bozhenkova, M.R. Zheltukhina (eds.). Moscow: Infra-M. pp. 17–23. (In Russ.).
12. Pocheptsov, G.G. (2002). *Semiotics*. Moscow: Refl-book. (In Russ.).
13. Dementyev, V.V. (2020). What has Genres studies given to modern Linguistics? *Speech genres*, 3(27), 72–194. (In Russ.).
14. Chertov, L.F. (1993). *Signs: an experience of theoretical synthesis of ideas of sign-oriented information connection mode*. St. Petersburg: St. Petersburg University publ. (In Russ.).
15. Mechkovskaya, N.B. (2007). *Semiotics. Language. Nature. Culture*. Moscow: Academy. (In Russ.).
16. Leach, E. (2001). *Culture and communication: Logic of symbols interconnection. To the usage of structural analysis in Social Anthropology*. Moscow: Eastern Literature. (In Russ.).
17. Stepanov, Yu.S. (1971). *Semiotics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Solomonik, A.B. (2009). *An essay of general Semiotics*. Minsk: MET. (In Russ.).
19. Leontovich, O.A. (2022). *Word and image in search of each other: a monograph*. Volgograd: PrinTerra-Design. (In Russ.).
20. Hodge, R. & Kress, G. (1988). *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.
21. Kress, G. (2001). Sociolinguistics and Social Semiotics. *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics*, P. Cobley (Ed.). London and New York: Routledge. pp. 66–82.
22. Corrain, L. (2023). The iconoclasm of the everyday. In: *Paolo Fabri. Unfolding Semiotics. Pour la semiotique a venir. Semiotics Monographs*, I. Pezzini (Ed.). Thessaloniki: Aristotle University. pp. 49–68.
23. Yakushevich, I.V. (2012). Linguocognitive typology of symbols. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5–13. (In Russ.).
24. Astafurova, T.N. & Olyanich, A.V. (2008). *Linguosemiotics of power: sign, word, text: A monograph*. Volgograd: Niva. (In Russ.).
25. Nekrasova, T.N. & Olyanich, A.V. (2013). *Linguosemiotics of automobile journey: a monograph*. Volgograd: Volgograd Agrarian University publ. (In Russ.).
26. Olyanich, A.V. & Raspaev, A.A. (2015). *Linguosemiotics of theatre in English political communication: a monograph*. Volgograd: Volgograd Agrarian University publ. (In Russ.).
27. Krysin, L.P. (2004). Is it possible to recognize an intelligent person by speech? *Social sciences and modernity*, 5, 157–164. (In Russ.).
28. Os'mak, N.A. (2018). “Chuvak” and “chuvikha” in modern everyday speech. *Communicative investigations*, 1(15), 45–55. (In Russ.).
29. Sheigal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
30. Chumakova, E.V. (2013). Precedent situations as political emblems. *Political linguistics*, 3(45), 144–148. (In Russ.).
31. Epikhina, E.M. (2014). Emblematic interpretation of communicative errors. *Fundamental research*, 1, 730–733. (In Russ.).
32. Paschalidis, G. (2018). Introduction: the Semiotics of Selfies. *Punctum*, 4(2), 5–9.
33. Karasik, V.I. (2010). *Linguistic crystallization of meaning*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
34. Grigoryeva, E.G. (1997). Emblem: principle and phenomenon (theoretical and historical aspects). In: *Lotman collection of articles*. Vol. 2. E.V. Permyakov (Ed.). Moscow: Russian Humanities University publ. pp. 424–448. (In Russ.).
35. Vorkachev, S.G. (2023). *In the thicket of symbols: Image in language and culture: A monograph*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
36. Pchelov, E.V. (2010). Bear in Russia: emblems and blazons. In: *Culture in the focus of sign: a collection of articles*, V.Yu. Lebedev, A.G. Stepanov (eds.). Tver: SFK-office. pp. 2017–2300. (In Russ.).
37. Makhlina, S.T. (2009). *A dictionary of Semiotics of culture*. St. Petersburg: Arts-SPB. (In Russ.).
38. Krongauz, M.A. (2017). *The Russian language on the verge of neural breakdown*. Moscow: AST: CORPUS. (In Russ.).

39. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2019). The way of pragmaticalization, or a birth of pragmateme (what is lost and what is born in the “Bermuda triangle” of everyday speech). *Język i metoda*, 6, 125–136. (In Russ.).
40. Khimik, V.V. (2004). *A great dictionary of Russian colloquial expressive speech*. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
41. Beilinson, L.S. (2009). *Professional discourse: features, functions, norms: A monograph*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
42. Moskvina, V.P. (2021). *Poetics of vagueness. Commentaries and deciphering of dark places in poetic texts by O. Mandelstam: a monograph*. Moscow: Flinta. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6); профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38); *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория дискурса, теория языковой личности, лингвосомиотика; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8306-5317, РИНЦ Author ID/SPIN-код: 6068–6478; Scopus ID: 57193175093; Researcher ID: C-3975-2016.

Information about the author:

Vladimir I. Karasik, D.Sc. in Philology, Professor, Dept. of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (6, Akademika Volgina Str., Moscow, Russian Federation, 117485); Dept. of the Russian as a foreign language, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: linguoculturology, theory of discourse, theory of linguistic personality, linguistics; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8306-5317; SPIN-code: 6068–6478; Scopus ID: 57193175093; ID: C-3975-2016.